

ЛИРИКА И ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

И.Н. Коржова

СТИХОТВОРЕНИЕ К.М. СИМОНОВА «ЖДИ МЕНЯ» В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛА «С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ»

Аннотация. Целью статьи является анализ стихотворения К.М. Симонова «Жди меня» с учётом системы внутренних связей, обусловленных принадлежностью текста к циклу «С тобой и без тебя». Автор подробно рассматривает место произведения в «романном сюжете» (термин И. Фоменко) цикла. «Жди меня» является его ложной кульминацией и посвящено временной и обманчивой гармонизации отношений лирического героя и героини. Предметом рассмотрения также стали ключевые слова, мотивы и приёмы, объединяющие стихотворение с общим целым. Работа опирается на системный подход в исследовании лирического цикла и сочетает имманентный и сопоставительный методы анализа. В результате исследования были выявлены «скрепы», связывающие стихотворение с циклом: мотивы любви, ожидания, чуда, чудесного свидания, преодоления времени и приём последующей наррации. «Жди меня» прочитано как произведение о воплощённом чуде любви, о победе человека над враждебной силой времени и пространства. Установлено, что стихотворение представляет идеальную модель мира, на которую скрыто ориентированы другие произведения цикла.

Ключевые слова: Симонов, лирический цикл, лирический сюжет, кульминация, мотив чуда, мотив чудесного свидания, конфликт, любовная лирика, военная лирика, амфиболия.

Abstract. The aim of the article is to analyze Konstantin Simonov's poem "Wait for me" considering the system of internal connections which are determinate by the fact the poem belongs to Simonov's poetic cycle "With you and without you". The author examines the place of this work in the "romantic plot" (I. Fomenko's term) of the cycle. "Wait for me" is a false climax and it is devoted to temporary and deceptive harmonization of relations of the lyrical hero and heroine. Key words, motifs and devices combining the poem with the overall whole become the subject of study. The work is based on the systems approach to the study of Simonov's poetry cycle and combines immanent and comparative analysis methods. The study reveals the "ties" which connect the poem with the cycle: motifs of love, expectation, miracle, miraculous meeting, overcoming of time and the method of subsequent narration. The poem "Wait for me" has been viewed as the poem about the victory over hostile force of time and space. The researcher establishes that other works of the cycle implicitly direct at this poem as at the ideal model of world.

Key words: motif of miraculous meeting, motif of miracle, climax, lyrical plot, lyrical cycle, Simonov, conflict, love poetry, war poetry, amphibolia.

«Жди меня», безусловно, самое известное стихотворение К.М. Симонова, что ожидаемо должно было бы сделать его самым изученным. Однако в последнее время вышла лишь одна статья, посвящённая ему – подробное рассмотрение стихотворения на фоне эпохи, сделанное М.О. Чудаковой [1]. Разумеется, текст не обойдён вниманием в работах, в которых фокус исследования расширяется до отдельной темы, любовной или военной (И.Н. Позерт «Души откровенный дневник. (О лирике К. Симонова)» [2], Е.А. Попова «Одною силою любви... О любовной лирике Симонова» [3]). Но до сих пор стихотворение не было изучено в контексте цикла «С тобой и без тебя», собственно, и сам цикл не был исследован как единство.

Изучение цикла в современном литературоведении опирается на принципы системности, учёт которых способен обогатить понимание отдельного произведения, ведь, по утверждению М.Н. Дарвина, «преображающая сила контекста в лирике весьма значительна, так что фактор соседства, допустим, нескольких разных произведений может существенно влиять на восприятие каждого из этих произведений в отдельности» [4, с. 4]. Поэтому целью статьи является определение места стихотворения в составе цикла и углубление его интерпретации с учётом контекста.

Прежде всего, рассмотрим особенности цикла в целом и установим место знаменитого стихотворения-заклинания в его структуре. М.Н. Дарвин разделяет циклы на первичные (изначально создававшиеся как целостность) и вторичные (собранные

из ранее опубликованных произведений). Пытаясь определить, в какую классификационную ячейку следует вписать цикл Симонова, исследователь испытывает ряд затруднений. Заглавие «С тобой и без тебя» впервые появляется в публикации подборки стихотворений в «Новом мире» (1941, № 11-12), сохраняется при издании следующих частей цикла, даёт название самостоятельной книге стихов, вышедшей в свет в 1942 г. Однако многие стихотворения, ныне входящие в цикл, публиковались отдельно и стали частью большого целого только в 1966 г., когда при подготовке собрания сочинений цикл обрёл окончательную структуру и состав. Стихотворение «Жди меня», появившись, как известно, в виде самостоятельной публикации на страницах «Правды», далее неизменно включалось во все издания цикла.

В структуре сложившегося образования стихотворение заняло отнюдь не центральное место, став девятым из 46 текстов. Сложная история собирания цикла, выход его частей отдельными тетрадами, имеющими общий подзаголовок и сквозную нумерацию, делает цикл как бы разомкнутым в реальность. Это выдвигает время в ряд важных категорий произведения. Организующим началом «С тобой и без тебя» становится «хронологический принцип» расположения стихотворений, выделенный и подробно описанный И.В. Фоменко. По мнению исследователя, «хронология стала основой для создания целого комплекса способов организации циклов/книг, в основе которых логика движения времени, позволяющая в сложной системе стихотворений воплотить взаимодействие движения истории и лирического субъекта» [5, с. 12]. Судьба лирического героя Симонова находится в состоянии крайней неустойчивости, зависимости от двойного ряда факторов: от прихотливого нрава не любящей его героини и от трагических перипетий войны. Поэтому так значимо для героя время, в котором скрыта развязка его драмы, прежде всего любовной.

Законность пересечения термином «сюжет» демаркационной линии родов литературы и его проникновения в исследования лирических циклов является дискуссионным вопросом. В меньшей степени обсуждается сохранение содержания термина. Один из пионеров изучения цикла В.А. Сапогов рассматривал сюжет как конституирующий момент, причём речь в его работах шла о сюжете лирическом, построенном «на развитии и оттенках авторской эмоции» [6, с. 90]. Л.Е. Ляпина включила сюжет в число пяти признаков циклического единства [7]. Термин закономерно входит в теоретический аппарат И.В. Фоменко, поскольку исследователь отстаивает идею о лироэпической

природе любого цикла: «Циклическое образование обречено быть лироэпосом уже в силу тех целей, которые стремится достигнуть поэт» [5, с. 22]. Он выделяет «циклы с романским сюжетом» [5, с. 28], что говорит о понимании им сюжета как «внешней фабулы» [5, с. 28]. Вместе с тем, И.В. Фоменко предупреждает, что «содержание цикла с такой циклообразующей отнюдь не сводится к истории интимного романа: даже самое жёсткое фабульное построение (как крайнее выражение логики объективного развития) предполагает возможность и даже необходимость существования в этом же тексте композиционных принципов, опирающихся на закономерности субъективно-авторского сознания» [5, с. 28]. Думается, в данном случае возможно говорить о несовпадении сюжета эпического и лирического. С большой осторожностью используют термин «сюжет» М.Н. Дарвин и А.Г. Кулик. А.Г. Кулик пишет лишь об иллюзии сюжетности, при этом отводя этой иллюзии важнейшую роль в складывании цикла: «Тексты в лирическом произведении объединяются тем, что сюжетные ситуации отдельных стихотворений, взаимодействуя между собой, создают иллюзию сюжета. Если упразднить наличие этой иллюзии в лирическом цикле, то получится ряд стихотворений, совершенно непонятно каким образом связанных в целое» [8, с. 36]. М.Н. Дарвин констатирует: «Большинство циклов, особенно так называемого по нашей классификации, вторичного происхождения, никакого сюжета, если всё-таки не слишком далеко отрываться от основного значения этого термина, вообще не имеет» [9, с. 25]. Прямо включает лирический цикл в поле исследования нарратологии Б. Подлесник, хотя в практике анализа он выделяет сюжет, который скорее может быть назван лирическим, чем эпическим. Подлеснику принадлежит важная мысль об особенностях сюжета в лирическом цикле: «В лирическом цикле образ происходящего действия возникает только при сопоставлении отдельных стихотворений, отдельных статических фрагментов. Нарратив, таким образом, возникает не в текстах отдельных стихотворений, а между стихотворениями» [10, с. 177]. Действительно, сюжет в цикле можно уподобить рисованию по точкам, которое позволяет создать целостность, не сводимую к сумме стихотворений.

Таким образом, анализ сюжета лирического стихотворения предполагает два уровня: во-первых, восстановление фабулы и рассмотрение композиции сюжета, т.е. исследование сюжета эпического, который обнаруживается отнюдь не в каждом цикле; во-вторых, прослеживание эмоциональной динамики, перипетий внутреннего конфликта, т.е. рассмотрение сюжета лирического цикла. Учитывая мысль И.В. Фоменко о том, что

в цикле «поэт получает возможность, формально не выходя за пределы лирики, воплотить в системе стихотворений авторскую концепцию, какой бы сложной и противоречивой она ни была» [5, с. 5], мы можем предположить, что сюжет цикла существует как сюжет становления или раскрытия авторского мировоззрения.

«С тобой и без тебя», несомненно, относится к группе циклов с романным сюжетом, поэтому рассмотрим, в какую внешнюю канву событий вплетено стихотворение «Жди меня». Сюжет цикла – это сюжет о несчастливой любви. Герой оказывается в психологической западне, поскольку героиня, приближая его к себе и позволяя быть рядом, в то же время внутренне отделена от него своей нелюбовью. Надежда на силу времени и на чудо, которые смогут избавить героя от мучительной двойственности положения, являются лейтмотивами всей первой части цикла. Для многих стихотворений характерно стремление предугадать грядущее, отсюда и особенность ряда симоновских текстов – размыкание финала в будущее: «Мечтой себя тревожу я» [11, с. 168], «Как я хочу придумать средство, / Чтоб счастье было впереди» [11, с. 169], «Будь хоть бедой в моей судьбе» [11, с. 174], часто оно выражается в смене грамматической формы глагола: «Всё я жду, что с ёлки / Мне тебя подарят» [11, с. 167], «Может, и меня переживешь ты, / Поговорки злой не переспоря» [11, с. 171], «И если будет суждено / Тебя мне удержать» [11, с. 173]. Настоящее героя неустойчиво, находится в зависимости от компромиссного статуса «с тобой и без тебя», и эта двойственность раскалывает не просто чувства, а мировосприятие героя, когда его настигает тотальное сомнение: «И ты не та, желанная, / А только так, похожая» [11, с. 168]. Поэтому устремлённость в будущее связана, как правило, с надеждой на изменение ситуации. Первые стихотворения цикла – это отчаянный поиск выхода из любовного тупика: герой то уповает на чудо («Всё я жду, что с ёлки / Мне тебя подарят»), то безуспешно пытается найти замену героине. Каждое новое стихотворение цикла, по сути, давало лишь иллюзию продвижения вперёд. Время обманывало героя, оставляя всё на своих местах.

Внедряя далее терминологию, свойственную анализу повествовательного текста, мы можем сказать, что своеобразной перипетией в цикле Симонова становится стихотворение «Ты говорила мне люблю», помещённое восьмым, т.е. непосредственно перед «Жди меня». Стихотворение посвящено воплощению мечты о чуде – лирический герой наконец слышит от героини настоящее, продиктованное не страстью, а глубоким чувством «люблю». Слово «любовь» и однокоренные ему являются ожидаемо важной и частотной едини-

цей всего цикла. В стихотворении «Ты говорила мне люблю» корень встречается чаще, чем в других, – пять раз. Долгожданное признание меняет мировосприятие героя. В стихотворении по-иному видится само течение жизни. В судьбу героев врывается время больших исторических катастроф: это первое военное стихотворение цикла и первый же текст, лишённый привычного для предшествующих произведений заглядывания в будущее. Как ни парадоксально, герой не бежит мысленно из настоящего не потому, что само его будущее теперь поставлено под сомнение войной, а потому, что ожидаемое чудо совершилось и он обретает счастье в настоящем. Далее жизненный и стихотворный сюжет вскроет это заблуждение: «что любишь, солгала, в последний час солдатского прощанья» [11, с. 185], – с горечью осознаёт герой в стихотворении «Мне хочется назвать тебя женой», восемнадцатом по счёту, а ноты сомнения появятся и того раньше. Но между этими двумя стихотворениями, связанными лирическими скрепами (под межстихотворными «скрепами» в лирическом цикле В.А. Сапогов понимает различные моменты связи, возникающие между отдельными стихотворениями: тематические, сюжетные, синтаксические, стиховые и т.д. [12, с. 91]), расположена важная часть цикла, формирующая особый гармоничный мирообраз, особое отношение ко времени.

Важно, что ключевое для всего цикла понятие «любовь» не называется в стихотворении «Жди меня», хотя отношения героев, без сомнения, проникнуты именно этим чувством. Но любовь теперь не объект чаяний: она буквально воплотилась – вошла в плоть всех описанных переживаний. Именно она питает спасительную силу ожидания. В предыдущих стихотворениях мотив любви сплетался с мотивом чуда – только чудо могло зародить ответную любовь в героине. Но и здесь связь мотивов не разрушилась: теперь уже сама любовь обретает творческую способность к чуду. Взаимное чувство обладает магической силой, служит своего рода оберегом.

Публикаторской судьбе стихотворения первоначально очень мешал его камерный характер. Так, редактор газеты «На штурм» вспоминал: «И я стал что-то бормотать, что в газету нужно героическое, а не интимно-лирическое. И бил себя по лысеющей голове потом, когда эти стихи опубликовала “Правда”» [13, с. 36]. Эта камерность в данном случае больше чем родовая черта любовной лирики: весь текст посвящён постепенному сужению мира до двоих влюблённых, в чём убеждает анализ композиции стихотворения. В конце первой строфы героиня ещё включена в некую общность: «Жди, когда уж надоест / Всем, кто вместе ждёт» [11,

с. 175], хотя эта общность фиксируется в момент её распада. Во второй строфе из круга ждущих выходят даже самые близкие: «Пусть поверят сын и мать / В то, что нет меня, / Пусть друзья устанут ждать» [11, с. 175] (заметим, что у Симонова они названы именно в такой последовательности, что отражает высокий статус в его системе ценностей фронтового братства). Но любовь оказывается прочнее кровных и дружественных связей. Противопоставленность героини всем другим подчеркнута просьбой отказаться от символического сплавляющего действия: «Выпьют горькое вино / На помин души... / Жди. И с ними заодно / Выпить не спеши» [11, с. 175]. Наречие «вместе» сменяется словом «заодно», имеющим негативную коннотацию и часто указывающим на сплочённость злоумышленников. В последней строфе слов со значением совместности нет вовсе, напротив, Симонов обособляет своих героев с помощью выделительно-ограничительной частицы «только»: «Будем знать / Только мы с тобой» [11, с. 176].

Однако именно эта камерность, практически герметическая замкнутость стихотворения оказалась созвучной внутреннему опыту многих. И дело не только в близости темы всем воевавшим и ждавшим, но и в особой организации грамматической поэтики текста. При очевидной интимности темы стихотворение лишено детализации и воссоздаёт практически архитектурную модель отношений. «Жёлтые дожди» едва ли не единственная выразительная подробность во всём стихотворении, другие же слова с конкретным значением обнаруживают скорее не живописную, пластическую, а эмблематическую функцию. Кроме эпитета «жёлтые» в произведении всего два прилагательных, по функции приближающихся к устойчивым эпитетам: «дальних мест» и «горькое вино». Наречные эпитеты и вовсе отсутствуют. Наречия даны в составе устойчивых выражений «всем смертям назло» и «знать наизусть», т.е. обозначают базовые реакции и действия, и в обороте «очень жди», где наречие усиливает ключевой глагол, но не вносит нюансов в описание ожидания. Существительные также немногочисленны: 5–8–3 в каждой из строф соответственно. В первой они эмблематично представляют смену времён года, во второй называют круг близких и участвуют в описании ритуального поминовения, которое служит скорее не конкретной подробностью, а символическим актом отказа от ожидания.

Таким образом, в стихотворении ощутимо преобладают глаголы и местоимения. Количество глаголов (вместе с глагольными формами) 16–13–12, из них 17 с корнем «ждать» (корень повторён и ещё раз в отглагольном существительном «ожидание»).

При этом героине предписано лишь одно действие «ждать» и отказ от других: «не желай добра», «выпить не спеши» [11, с. 175]. Прочие глаголы отражают само течение жизни, разнообразные испытания. Обилие глаголов призвано выразить динамичность и интенсивность жизни и неизменность реакции героини на её вызовы. Наконец, в стихотворении от строфы к строфе растёт число местоимений: 5–7–16. Местоимения легко очерчивают систему отношений: я–ты–все, другие, они. И герой, и героиня выделены из ряда прочих, уникальность обоих подчеркнута сопоставлением с другими: «других не ждуть», «ты умела ждать, / Как никто другой» [11, с. 175]. Таким образом, их судьба не рассматривается как общая и несёт печать уникальности. Местоимение «все» дважды указывает на группу, от которой отделяется героиня («Все, кто вместе ждёт», «Всем, кто знает наизусть» [11, с. 175]), а в третьей строфе относится совсем к другому объекту («всем смертям назло»), при этом вероятно неслучайность такого сопоставления – ведь в каждом случае местоимение вынесено в начало строки и все три стиха являются анафорой. Так подспудно, через уравнивание со смертью, раскрыта губительная сила отказа от ожидания и от веры в возвращение солдата. В финале стихотворения система местоимений перестраивается и в нём впервые появляется «мы» – «Как я выжил, будем знать / Только мы с тобой» [11, с. 176], знаменующее финальную гармонизацию мира. Так, на уровне грамматики подчеркивается идея единения любящих при одновременном обособлении от мира, идея, которая благодаря отсутствию конкретизации воспринимается как универсальная модель любовного счастья.

Хотя заклинательная поэтика стихотворения хорошо исследована, его насыщенность мотивами чудесного, по нашему мнению, недооценена. Уникальность «Жди меня» состоит в том, что оно прерывает цепь гадательных вопрошаний о будущем и наполняется мощными пророческими интонациями. В финале использован способ представления событий, описанный Ж. Женеттом как последующая наррация – «предсказательное повествование, обычно в будущем времени» [14, с. 229]. Осознавая спорность применения термина нарратологии именно к лирике, воспользуемся этим названием. Важно, что эта форма повествования обслуживает в культуре на протяжении столетий сферу магического – «“предсказательный” рассказ в его многообразных формах (пророчество, апокалипсическое видение, оракул, астрологическое предсказание, гадание по руке, по картам и снам и т.д.» [14, с. 229]. Герой Симонова, действительно, словно переносится в будущее, что влечёт за собой смену глагольных форм – настоящее описывается

уже глаголами прошедшего времени: «Как я выжил, будем знать / Только мы с тобой, – / Просто ты уме-ла ждать, / Как никто другой» [11, с. 176]. В итоге стихотворение говорит не только о чуде спасения, но и о чуде прозрения сквозь время, о победе над этим раннее ограничивающим героя началом.

Переход в финале произведения к будущему времени, как уже было отмечено, свойствен поэтике цикла в целом, однако теперь речь идёт именно о предвидении. Впервые предсказательное повествование появляется ещё в пятом стихотворении цикла, «Если родилась красивой», позже в стихотворениях «Я не помню, сутки или десять», «Над чёрным носом нашей субмарины», «Не сердитесь – к лучшему...», «Хозяйка дома», «Пусть прокляну впоследствии», «Не раз выдав, как умирали». Тексты могут рисовать будущее как вероятное (и тогда его описание вводится условными «если», «может») или как неминуемое. Интересно, что в пяти из перечисленных произведений, кроме «Над чёрным носом нашей субмарины» и «Пусть прокляну впоследствии», всезнание включает уверенность в собственной гибели. Важно, что ни в одном из этих текстов не заострена тема нелюбви, напротив, они описывают те редкие периоды, когда героиня благосклонна к герою. Можно предположить, что преодоление времени возможно как раз в стихотворениях, где накал сомнений и надежд снижен, и герой успокоен благосклонностью возлюбленной. Но эта уверенность требует своеобразной платы – гибели героя. Стихотворения-исключения, в которых отсутствует тема смерти, наоборот, не избавлены от любовных сомнений. «Над чёрным носом нашей субмарины» как раз исполнено ревнивых подозрений, и в будущем герой ручается только за крепость своих чувств: «Я удержу тебя». В «Пусть прокляну впоследствии» избавление от трагического финала, очевидно, объясняется тем, что герой предвидит окончание любви: «Когда ж от наваждения себя освобожу» [11, с. 194]. И только в «Жди меня» происходит уникальное соединение любовного согласия героев, провидческого срывания покрова неизвестности с будущего и уверенности в собственном спасении от смерти. Именно эта комбинация в целом частотных в цикле мотивов позволяет создать уникальный гармоничный мирообраз, обеспечивающий стихотворению особый статус внутри цикла, статус воплощённого, но более недостижимого идеала.

У стихотворения «Жди меня» есть в цикле своеобразный двойник, произведение, основанное на той же идее спасительного ожидания, – «Я не помню, сутки или десять». В нём, казалось бы, поэт ушёл от глубоко личного тона и пытается написать о духовном сближении воюющих мужчин и ждущих их женщин, т.е. достигает как раз того обобщения,

отсутствие которого побудило некогда редакторов нескольких фронтовых газет («На штурм» и «Красной звезды») отказать напечатать «Жди меня». От «Жди меня» «Я не помню...» отделено только одним текстом – «Майор привёз мальчишку на лафете», единственным в цикле, где происходит резкое расширение проблематики и ценность единства с возлюбленной отодвинута всеобщим горем: «Ты это горе знаешь понаслышке, а нам оно оборвало сердца» [11, с. 176]. Не случайно Симонов несколько раз перемещал это стихотворение в цикл «Война» и обратно. Кажется, после знаменательного «люблю», линия личных страданий ослабевает. Был намечен иной, расширяющий проблематику вектор движения «сюжета», который, однако, не был реализован.

«Я не помню...», на первый взгляд, выглядит именно как продолжение тенденции к избавлению от индивидуалистической замкнутости. Хотя на самом деле оно готовит поворот именно к предыдущему состоянию неопределённости любовной и временной. Может показаться, что «Я не помню...» – это «Жди меня», исполненное хором голосов. Тексты роднит мотив спасительного ожидания, но здесь сама вера в чудо теряет черты личного мифа и подкрепляется коллективным авторитетом примет: «Может врут приметы, кто их знает! / Но в Одессе люди говорят...» [11, с. 178]. Однако магическое действие получает ограничение, правда вполне фольклорное – воспоминание близких защищает только три раза. Ослабление связи между воюющими мужчинами и оставшимися дома женщинами заметно уже на уровне ключевого слова: напряжённо безотрывное «ждать» заменяется эпизодическим «вспоминать». Корень повторяется в тексте 5 раз, причём лишь трижды указывает на действие женщин и сопровождается ироническим замечанием: «что вам стоит, вспомнили о нас» [11, с. 178].

Связь мужчин и женщин нуждается в поддержке и скрепляется ритуальным возлиянием: глаголы с корнем «пить» повторяются шесть раз. А.К. Байбурин и А.Л. Топорков указывают на ритуальную природу обычая пить за кого-либо, на символическое воплощение пьющего в бога, во здравие которого изначально совершалось действие. Позже «взаимность, обратимость угощения проявляется и в том, что если сотрапезник пьёт за ваше здоровье, то вы обязаны выпить в ответ за него» [15, с. 151]. Возлияние в честь любимых совершают мужчины, они же обращаются с просьбой об ответном жесте: – «Выпейте вы тоже...» [11, с. 179], тем самым требуется особо утвердить и подтвердить духовную общность солдат и ждущих их женщин.

В этом тексте происходит и своеобразное расслоение образов, обнаруживается зазор между

реальными возлюбленными и мифопоэтическим образом женщины-хранительницы. Лирический герой начинает понимать, что высокая миссия, которую он взвалил на свою ветреную и непостоянную возлюбленную, не вполне соответствует ей. Во-первых, исчезает безусловная профетическая убежденность, обеспечивающая силу «Жди меня», её ослабляют неоднократные «может быть...». Особо значима строка, где прямо назван мотив чуда, но снова лишь гадательно: «Выпили за свадьбы золотые, / Может, ещё будут чудеса...» [11, с. 178]. Так, проявившись словесно, чудо исчезает как воплощаемая категория. Во-вторых, тот идеал, который рисуют солдаты вдали от дома, не похож на реальных женщин: «ваши голубые, / Дай мне бог увидеть их, глаза. / Может быть, они у вас другие...» [11, с. 178], но таковыми их принято считать издавна. Аналогичная подмена происходит и при восприятии мужчин женщинами. И наконец, финал стихотворения диаметрально противоположен финалу «Жди меня». Он также построен на приёме последующей наррации, но мотив спасения заменяется в нём трагической констатацией: «Мы не все вернёмся, так и знайте» [11, с. 179].

Стихотворение «Я не помню...» не относится к творческим удачам Симонова, оно внутренне противоречиво, так как не может реализовать заложенную в нём тенденцию к экстраполяции мотива чуда, оно словно наталкивается на некие структурные ограничения, не нарушенные в «Жди меня». Эти ограничения обнаруживаются при попытке выйти за рамки дневниковой структуры цикла и разрушить оппозицию «мы-они, другие, все». Идея преодоления времени, получения разгадки собственной судьбы было мыслью, глубоко интимной, возможной в контексте личной темы. Кроме того, хотя стихотворение прямо не указывает на возвращение ключевой для начала цикла темы нелюбви, но подготавливает её возобновление уже в следующем тексте. Это ещё больше подчёркивает значение «Жди меня» как произведения о личном чуде любви, побеждающей время.

Отметим ещё один текст, связанный с «Я не помню...», – «Я пил за тебя под Одессой в землянке». Скрепки, связывающие его с предыдущим, очевидны: это и географическое единство, и мотив ритуального возлияния. Другой же крепкой он связан непосредственно с «Жди меня», таким образом, три текста составляют внутри цикла некую более сплочённую целостность. Со знаменитым стихотворением-заклятьем его связывает мотив ожидания, но здесь это сакральное чувство профанировано. Стихотворение построено на борьбе двух начал: ожидания и времени. И теперь последнее выходит победителем, налагая ограничения на ожидание:

«Загадывать на год война нам мешала, / И даже за ту, что, как жизнь, мне мила, / Сегодня я пил, чтоб сегодня скучала, / А завтра мы выпьем, чтоб завтра ждала» [11, с. 186]. Война лишь одна из форм времени, вновь же выдвигает на первый план категорию времени сомнение в чувствах возлюбленной. Лишь уговоры товарищей поддерживают в герое веру: «Без спроса на верность тебя обрекли» [11, с. 187]. Таким образом, тема ожидания оказывается тесно связана с темой любви и времени, обретая в одной категории союзницу, а в другой соперника.

Через цикл «С тобой и без тебя» проходит мотив чудесного свидания влюбленных, души которых преодолевают расстояние и соединяются вместе. К этому сюжету Симонов настойчиво обращается в стихотворениях «Я, перебрав весь год, не вижу», «Когда на выжженном плато», «Далёкому другу», «Не раз видав, как умирали...», «Я в эмигрантский дом попал». Причём во всех текстах, кроме «Я в эмигрантский дом попал», написанного уже после войны, мотив перемещения связан именно с женщиной. Герой же нерушимо прикован к фронту, который, очевидно, не может покинуть даже мысленно. Образ чудесного свидания окрашен модальностью желательности, появляется только в мечтах героя. Исключение составляет лишь стихотворение «Я, перебрав весь год, не вижу». Герой, нарушивший приказ и взявший в тыл фотографию возлюбленной, признаётся: «Казалось, в том же платье белом, / Как в летний день снята была, / Ты по камням оледенелым / Со мной невидимо прошла» [11, с. 188]. Снова только «казалось», но это видение, в отличие от других свиданий-грёз, придаёт герою силы, является состоявшимся по своим последствиям. Намёк на его реальность бросают и последние строки: «Ту ночь я ночью обрученья / С тобой вместе назову» [11, с. 188]. Симонов обращается к характерному приёму амфиболии: «с тобой» может зависеть одновременно от слов «обрученье» и «назову». В последнем случае героиня разделяет память об этом свидании, оно оказывается частью и её жизни. Но столь счастливая реализовавшаяся возможность соединиться через расстояние уже была описана, по нашему мнению, в стихотворении «Жди меня». Одной из гипотез статьи является предположение, что строчки «Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня» [11, с. 175] до сих пор не получила должного истолкования. Эта фраза также построена на амфиболии. В ней проблематизируется место нахождения женщины: неясно, пребывает ли она вдалеке от героя, или же сама оказывается среди огня. Предположение, что эта строка содержит намёк на чудесное свидание, становится убедительным именно при рассмотрении «Жди меня» в составе всего цикла. Такая гипотеза делает понят-

ной и фразу о тайне, связавшей героев: «Как я выжил, будем знать / Только мы с тобой» [11, с. 176]. Сопоставление с концовкой стихотворения «Я, перебрав весь год, не вижу» («Ту ночь я ночью обрученья / С тобою вместе назову» [11, с. 188]) укрепляет это предположение.

Таким образом, стихотворение «Жди меня», прославившее Симонова, действительно, занимает уникальное положение в цикле «С тобой и без тебя». В рамках внешнего, «эпического», сюжета цикла оно выполняет роль ложной кульминации, запечатлевая временную хрупкую уверенность героя в том, что его любовь находит отклик в сердце избранницы. Но мощный взлёт чувств, уверенность в

воплощении чуда и способность прорваться сквозь пелену времени не могут быть отменены последующими перипетиями любовного сюжета. Напротив, стихотворение моделирует ряд ситуаций, имеющих циклообразующую роль, хотя и решаемых в дальнейшем в иной модальности. Оно становится подлинной кульминацией в сюжете лирическом и фиксирует такой опыт чувств героя, который определит его последующие стремления. Учёт контекста целого позволяет оценить важность стихотворения «Жди меня» в обнаружении скрытого конфликта цикла, конфликта с неопределённостью времени и судьбы, и в формировании, ещё только в подтексте, мотива чудесного свидания.

Список литературы:

1. Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 58. С. 223-259.
2. Позерт И.Н. Души откровенный дневник. (О лирике К. Симонова) // Русский язык в школе. 2005. № 6. С. 57-61.
3. Попова Е.А. Одной силою любви... О любовной лирике Симонова // Русская речь. 2006. № 3. С. 33-45
4. Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1983. 62 с.
5. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990. 32 с.
6. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. М., 1966. С. 90-91.
7. Ляпина Л.Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977. С. 164-166.
8. Кулик А.Г. Лирическая циклизация как особый тип текстопостроения (на материале третьего тома «Лирической трилогии» А. Блока): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 167 с.
9. Дарвин М., Тюпа В. Циклизация в творчестве Пушкина. Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. М.: Наука, 2001. 296 с.
10. Подлесник Б. «Снежная маска» А.А. Блока как лирически цикл // Slavica tergestina. 9. Studia slavica II. Trieste. 2001. С. 175-194.
11. Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. 623 с.
12. Сапогов В.А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс, 1980. С. 90-97.
13. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневники писателя. Т. 2. // Симонов К.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1983. 688 с.
14. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
15. Байбурун А.Т., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 166 с.

References (transliterated):

1. Chudakova M.O. «Voennoe» stikhotvorenije Simonova «Zhdi menya...» (iyul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni // NLO. 2002. № 58. S. 223-259.
2. Pozert I.N. Dushi otkrovennyi dnevnik. (O lirike K. Simonova) // Russkii yazyk v shkole. 2005. № 6. S. 57-61.
3. Popova E.A. Odnoy siloyu lyubvi... O lyubovnoi lirike Simonova // Russkaya rech'. 2006. № 3. S. 33-45.
4. Darvin M.N. Problema tsikla v izuchenii liriki. Kemerovo: Izd-vo Kemerovskogo gos. un-ta, 1983. 62 s.
5. Fomenko I.V. Poetika liricheskogo tsikla: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 1990. 32 s.
6. Sapogov V.A. O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka // Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya. M., 1966. S. 90-91.
7. Lyapina L.E. Problema tselostnosti liricheskogo tsikla // Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya i problemy ego analiza v shkol'nom i vuzovskom izuchenii literatury. Donetsk, 1977. S. 164-166.
8. Kulik A.G. Liricheskaya tsiklizatsiya kak osobyi tip tekstopostroeniya (na materiale tret'ego toma «Liricheskoi trilogii» A. Bloka): Dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2007. 167 s.
9. Darvin M. Tyupa V. Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina. Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya. M.: Nauka, 2001. 296 s.
10. Podlesnik B. «Snezhnaya maska» A.A. Bloka kak liricheski tsikl // Slavica tergestina. 9. Studia slavica II. Trieste. 2001. S. 175-194.
11. Simonov K.M. Stikhotvorenija i poemy. L., 1982. 623 s.
12. Sapogov V.A. Syuzhet v liricheskom tsikle // Syuzhetoslozhenie v russkoi literature. Daugavpils, 1980. S. 90-97.
13. Simonov K.M. Raznye dni voiny. Dnevniky pisatelya. T. 2 // Simonov K.M. Sobr. soch.: v 10 t. T. 9. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. 688 s.
14. Zhenett Zh. Figury: v 2 t. T. 2. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. 472 s.
15. Baiburin A.T., Toporkov A.L. U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki. L.: Nauka, 1990. 166 s.